

***Эту книгу посвящаю мужу — человеку,
подарившему мне мир.
Благодарю за помощь в написании книги
психолога Ольгу Викторовну Лови
за бесценные консультации***

Все события, имена и характеры в этой книге вымышленные. Любое совпадение с реальными людьми и обстоятельствами является случайным.

Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

Антуан де Сент-Экзюпери

Глава 1

Обычное мартовское утро обычной прохладной весны начиналось также весьма обычно. Ольга Георгиевна Панова собиралась на работу — выпила кофе со сливками, съела персиковый йогурт, сменила изумрудный шелковый халат на жемчужного цвета отутюженные брюки строгого покроя и белую блузку с круглым воротом. Сумка была собрана еще с вечера, любительница поспать по утрам терпеть не могла собираться впопыхах, крадя драгоценные утренние минуты у сна, а потому одежду и сумку готовила с вечера, как раз тогда, когда времени было предостаточно и спать, как назло, вовсе не хотелось.

Она тихо вышла в коридор, стараясь не разбудить еще не проснувшихся родителей, и критически оглядела свой плащ — вчера она старательно пыталась вывести с него пятна от мазута, оставшиеся в наследство от грязного сиде-

ня такси, и теперь, при утреннем свете, пыталась внушить себе, что операция «Пятно» прошла успешно.

И тут ритм весьма обычного утра обычной прохладной весны нарушился трелью телефонного звонка. К ним никто не звонил так рано. Разве что по ошибке. Ольга торопливо схватила трубку, с сожалением и укором бросив взгляд на закрытую дверь родительской спальни. Сколько раз она говорила отцу не оставлять звонок телефона на такой громкости — такой шум разбудит даже мертвого.

— Здравствуйте, — молодой женский голос звучал вежливо и, казалось, слегка дрожал от волнения. — А Марину Владимировну можно к телефону?

— Марину Владимировну? — удивленно переспросила Ольга. — Она еще спит. Что-то срочное?

— Что? Простите, плохо слышно.

— Я спросила, что-то срочное? А то ведь час-то какой ранний, может, мне ее разбудить?

— Нет, нет, извините, — пробормотали в трубке. — Я, должно быть, напутала с разницей во времени. Извините еще раз.

Девушка торопливо попрощалась и положила трубку. Ольга почесала кончик носа. Кому могла понадобиться мама в такой ранний час? Все их знакомые прекрасно знали, что мама по вечерам задерживается в ресторане, где она работает менеджером, и рано утром ее будить не стоит. Что там пробормотала странная девушка? Что-то про разницу во времени? Ольга еще раз задумчиво потерла кончик носа, а потом, спохватившись, глянула на часы, охнула и помчалась на работу.

Работала Ольга в организации со звучным названием «Международная неправительственная организации «Здоровое поколение». Название, как и деятельность самой ор-

ганизации, имело весьма неясный смысл, и интерпретировать его можно было по-разному, что с успехом и практиковалось, когда того требовали обстоятельства. Ольга работала там около трех лет, и ей потребовалось не менее года, чтобы начать потихоньку понимать, что происходит. Зарабатывала она там неплохо, во всяком случае, намного лучше, чем раньше, когда работала на небольшую частную фирму по компьютерному дизайну. Ольга специализировалась во всем, что касалось связей с общественностью, в том числе создавала страницы в Интернете с информацией об организации, готовила пресс-релизы, общалась с журналистами и партнерами из министерств, предоставляя необходимую информацию и, что ценилось не меньше, выживая ценную для организации информацию. Удавалось ей все это так хорошо, что начальство «Поколения» было просто в восторге и за какой-то год повысило тогда двадцатипятилетнюю Ольгу Панову с должности ассистентки до главы отдела информации и связей с общественностью. Произошло это так стремительно, что многие сотрудники НПО¹ завидовали с плохо скрываемыми чувствами, а Ольга подумывала о том, чтобы подать заявление на перевод на международную позицию, что повысило бы ее статус намного больше, не говоря уж о зарплате.

Панова торопливо села в такси, плюхнувшись на заднее сиденье. Потом подскочила, придирчиво проверив потрепанную обивку на предмет пятен, и, успокоившись, уселась, уставившись в окно. Таксист, слава богу, попался молчаливый. Он разглядывал остроносую девушку с тонкими чертами лица, карими глазами и короткими ореховыми волосами, отметив про себя, что взгляд у девушки острый и цеп-

¹ НПО — неправительственная организация.

кий, а выражение лица несколько нервное. Ее красиво выдающиеся скулы, правильный овал лица и тонкий нос компенсировали небольшой разрез глубоко посаженных глаз, и при взгляде на Ольгу можно было сказать, что она скорее симпатичная, чем наоборот. Пожилой таксист людей знал неплохо, скольких уже перевез — не счесть. Когда попадался пассажир с открытым лицом и легко угадываемым настроением, говорить с ним было легко. Обычно такие люди сами заводили разговор, стремясь к общению. Но когда попадались вот такие, бурлящие от собственных мыслей, но совершенно отвлеченные от происходящего сию минуту, здесь и сейчас, — таких лучше не отвлекать, все равно, кроме общих ответов, ничего не услышишь.

Ольга и правда немного нервничала. И, главное, сама не могла понять, почему. Ну, позвонила незнакомая девушка, позвонила слишком рано, ну и что? Что именно так встревожило ее в этом звонке? Чепуха какая-то. Мать, занимавшая в семье позицию практически идеальной женщины с сильным характером, вдруг показалась сбитой с толку. Именно это и настораживало больше всего.

— Чепуха какая-то, — так и заявила она Димке, программисту, работающему у нее в подчинении, являющемуся к тому же по совместительству бойфрендом. Голос ее, обычно ровно-мелодично-звонкий, словно голос ведущей концертной программы, на этот раз выдавал ее неуверенность.

— Вот не думала, что чепуховый звонок выведет меня из себя.

— А что тебе не понравилось?

Димка, почему-то награжденный Ольгой именем Ди-

мыч, невзирая на его протесты и удивление, украдкой поцеловал ее в висок, пока никто еще не появился в комнате, и включил для нее компьютер. Высокий, худой, с маленькими круглыми очками и собранными в хвост волосами, по-мальчишески симпатичный и хипповатый, Димыч был всеобщим любимцем благодаря редкому качеству — умению дружить. Димыч дружить умел и обладал даром никого не обижать, а потому его веселые синие глаза всегда излучали хорошее настроение и дружелюбие. Волнение Ольги его встревожило, но только из-за того, что у нее из-за этого могло испортиться настроение, а Панова без настроения — хуже начальницы не придумаешь.

— Во-первых — рано, — теребила кончик носа Панова. — Во-вторых — молодой голос. У мамы нет таких знакомых. Официантки из ресторана не посмеют звонить сами домой, в такую рань тем более, а других с таким молодым голосом я не знаю.

— Хочешь сказать, ты знаешь всех знакомых матери?

— Не всех, но большинство. Я хоть и стараюсь не вступать в родительские дела, но они сами мне все рассказывают, да и наблюдательность моя еще никогда меня не подводила. Мне известно все обо всех, и даже больше, чем они думают.

Несмотря на волевой характер, мать старалась не давить на Ольгу и контролировала ее ненавязчиво, что получалось не всегда удачно, но Ольга этого уже и не замечала, свыкшись с доминантой матери. Однако при этом Ольга знала практически все о жизни родителей и в основном благодаря обстановке в их семье, где все привыкли делиться друг с другом происходящим. Ольга, единственный ребенок, часто оказывалась объектом всех сердечных излияний и волей-неволей была в курсе всех событий.

— Пожалуй, больше всего мне не понравился голос. Интонации. И еще мне кажется, что я уже слышала этот голос. По-моему, она и раньше несколько раз звонила и всегда бросала трубку, не представившись, если я спрашивала, что передать.

— А я знаю, — делано-мрачным голосом произнес Димыч. — У твоей мамы двойная жизнь, и это ее второе «Я» тебе звонило.

— Юморочек у тебя, Димыч. Что-нибудь дельное бы сказал.

— Да что ты пристала к девушке? На тебя не похоже.

Ольга поморщилась. Пристала — слово-то какое, неприятное, липучее. Она не пристала. Она просто интересуется. Имеет право. Бог с ней, с девушкой. Пора работой заниматься.

Димка уселся за компьютер, изредка поглядывая на начальницу. Он прекрасно знал, что, хоть она и сделала вид, что переключилась на работу, в голове ее все равно нерешенный вопрос будет крутиться, пока не найдется ответа. Причем завести ее могла любая мелочь — дотошный ум Пановой не пропускал мимо ничего, что казалось непонятным. Димыч иногда смеялся над ней, зачем ей, мол, знать все про всех и вся, но Ольгу не изменишь. Уродилась любопытной до всего, что поделать. Скорее всего, именно это качество и помогало ей в карьерном росте. В МНО ей прочили очень скорое повышение. Будучи нанятой на национальной основе, расти ей по карьерной лестнице в рамках этого офиса было уже некуда. Деление на национальных и международных сотрудников было изобретением гуманитарных организаций и посольств. Коммерческие организа-

ции давно уже определяли положение и оклад сотрудника по его вкладу в компанию, а не по месту проживания. Гуманитарщики же до сих пор использовали такое несколько странное деление. Национальными называли тех сотрудников, которых нанимали на работу либо из жителей той страны, в которой работала НПО, либо иностранцев, но с окладом на уровне местных кадров. Тех же, кто работал в качестве международных, нанимала штаб-квартира НПО, находящаяся в Европе. При этом часть штаб-квартиры находилась в Париже, а часть — в Женеве. Ольгу мало волновало, где они находятся, главное, чтобы ее перевели на другой уровень, сделали международником, а там уж она разберется, с кем и как ей сотрудничать.

Как обычно утром, она проверила ящик электронной почты, стерла все неинтересные сообщения, рассортировала важные письма так, чтобы потом основательно ответить на них в порядке первоочередности. Затем позвонила секретарше Светочке в приемную:

— Светок, собрание еще не началось?

Утренняя пятиминутка, куда приглашались все члены руководства НПО и начальники отделов, никогда не начиналась вовремя. А все из-за того, что Нил Калахан, глава российского подразделения, никогда не приходил на работу вовремя. Он мог задерживаться по вечерам, мог проводить выходные в офисе, но утром на месте ровно в девять ноль-ноль его не оказывалось. Ему важнее было выгулять собаку, спокойно позавтракать с женой, а уж после этого не торопясь направляться в офис. Естественно, никто не комментировал его опоздания — это не бизнес-компания, где жесткая конкуренция и строгая дисциплина не позволяют подобные промахи даже самому высокому начальству. Эта была самым обыкновенная НПО, таких в России, да и по

всему миру, пруд пруди. С небольшими фондами, с раздутым штатом, громогласной программой действий и значительно менее громкими результатами.

— Позвонишь, когда народ начнет подтягиваться, хорошо?

— Конечно, Оль, сделаю, — с готовностью отозвалась Света.

Что в Светке всем нравилось, так это постоянная готовность удружить, помочь, выполнить поручение, и все с улыбкой и хорошим настроением. Прямо идеальная секретарша попалась их НПО, другие только завидовали.

Ольга глянула на часы, вытащила мобильник и остановилась в нерешительности. Интересно, проснулись родители или еще нет? Любопытство перевесило заботу о неприкосновенности сна, и она набрала домашний номер.

— Мама, привет, ты уже встала?

— Недавно, еще даже кофе не выпила. Что-то случилось? Ты откуда звонишь?

Голос ее звучал отвлеченно. В этом вся мама. Думает о чем-то своем, решая в голове по ходу разговора миллион других вопросов. Ну откуда еще Оля может звонить в рабочий день в такое время?

— С работы, конечно.

— Все в порядке?

— Да, все нормально. Просто почему-то решила, что забыла выключить кофеварку.

— Да нет, вроде бы я ничего такого на кухне не заметила.

Мама зевнула.

— Ты придешь как обычно?

— Наверное. Кстати, тебе утром кто-то звонил.

— Мне? Кто?

— Не знаю. Девушка какая-то. Сказала, что напутала с

временным поясом, не назвалась. Было плохо слышно. Мне показалось, она нервничала.

Мама ответила не сразу, и Оля это немедленно заметила. Пауза показалась ей слишком длинной, а непринужденность, зазвучавшая в последующих словах, немного наигранной.

— Странно, кому я могла понадобиться? Впрочем, раз не назвалась, значит, ничего срочного. Ну ладно, Оль, до вечера. Если придешь не поздно, то еще увидимся до того, как я уйду на работу.

— Пока, мам.

Ольга уставилась в одну точку. Вот что было странным в интонациях звонившей девушки — они удивительным образом напоминали мамины! Точно! У Ольги голос тоже иногда напоминал мамин — бывало, их иногда путали по телефону. У этой девушки тоже голос напоминал мамин по интонациям, только тембр казался чуть ниже. А может, это просто ее воображение? Она уже придумывает то, чего не существует. Но все же Ольга готова была поклясться, что девушка уже звонила до этого.

— Оль, да что с тобой?

— А?

Она встрепенулась. Димыч смотрел на нее, как на больную.

— Только не парь мне мозги, что ты забыла выключить кофеварку. Сколько тебя знаю, ты никогда ничего не забываешь. Зачем домой звонила? Все неможется из-за этого звонка?

— Имею право.

— Имеешь, но зачем? Так и не въеду — чем тебя это так зацепило?

— Не въезжаешь, не вмешивайся. И вообще — работы валом, а он тут чужие разговоры подслушивает.

— Ну ничего себе заявочки! Выходи из комнаты, если секретничаешь!

Димыч нахохлился и уткнулся в монитор компьютера. С Ольгой они работали в «Поколении» два года, а знали друг друга еще дольше, она вытащила его с предыдущего места работы, так как знала — без его талантов ей не справиться. Димка был гением системного администрирования, а она обладала талантами организатора, вместе они составляли очень эффективную команду, правда, Димке признание и слава были ни к чему, он не страдал тщеславием, а Ольга и во сне грезила о повышении. Что, впрочем, не мешало им время от времени встречаться после работы и играть в парочку влюбленных. Играть, потому что и он и она отлично понимали, что связывает их скорее некая общность интересов и личное одиночество, чем настоящие чувства. Возможно, именно эта легкость в отношениях и позволяла им относиться с юмором ко всему происходящему.

Позвонила Света и позвала на утреннее собрание, а когда Ольга вернулась, от стычки и утреннего настроения и следов не осталось. Калахан так загрузил ее заданиями, что времени на посторонние дела и мысли просто не осталось.

Глава 2

К вечеру, однако, назойливая мысль о девушке со знакомым голосом вновь трудолюбивой пчелкой зажуужала в голове. И как бы Димыч ни старался отвлечь ее, особых ус-

пехов он не добился. Ольга согласилась пойти с ним выпить по бокалу мартини в бар, где они частенько ужинали, выбрав его в основном из-за соседства с офисом. Причина, по которой она согласилась пойти с ним, была проста — Ольга решила прийти домой чуть позже обычного, чтобы мать уже ушла на работу. Были у нее свои соображения на этот счет.

Димыч старательно водил оливкой, подцепленной острием коктейльной палочки, по стенке широкого бокала.

— Что ты с ней возишься? — спросила Панова.

В голосе ее звучало плохо скрытое раздражение.

— Ты молчишь, вот я и занимаюсь ерундой.

— Лучше расскажи что-нибудь.

— Например?

— Зачем тебя Ханна вызывала?

Немка Ханна Штейн, администратор офиса, обычно сидела безвылазно у себя в офисе, занимаясь многочисленными документами, и вызывала сотрудников к себе. То ли ей было лень выходить из своей конурки, то ли считала себя пупом Земли, но никто уже не удивлялся ее манере.

— Да я сам не понял. Спрашивала про наш сервер, про заблокированные сайты. Говорит, что не может выйти на какие-то там сайты, которые ей нужны. Что электронные письма, которые уходят из офиса, не сразу доходят до их штаб-квартиры.

— И что, действительно заблокированы сайты? Порнуха, что ли?

— Да нет. Я потом проверил — если их и блокируют, то не через наш сервер. Где-то на уровне внешнего провайдера задействовано.

— А почта что? Я, кстати, тоже заметила, иногда мои и-мейлы далеко не сразу до начальства в Париже доходят.

Димыч почесал в затылке. Все той же коктейльной палочкой. Уже без оливки. Заметив Ольгин взгляд, палочку отложил в сторону.

— Есть у меня кое-какие соображения, но пока не уверен.

— Ну и что? Будешь мне тут секретную контору разыгрывать?

— Да я сам не уверен, Оль, ну зачем я буду говорить?

— Как хочешь.

Она пожала плечами и фыркнула:

— Я тебе тоже ничего не буду рассказывать. И вообще разговаривать не буду.

Она заказала второй бокал мартини. Аккуратно выловила оливку и отправила ее в рот. Постучала пальцами по барной стойке и стала демонстративно оглядываться по сторонам со скучающим видом. Потом обернулась на Димку. Тот улыбался.

— И что? Что ты улыбаешься, спрашивается?

— Тебе улыбаюсь. Не получится из тебя эсэсовец.

— Почему?

— Пытать не умеешь.

Она яростно завертела несчастный бокал в руке, рискуя сломать ножку.

— Ладно, ты же не уснешь. Расскажу. Мне кажется, нашу компашку посадили на крючок.

— Как это?

— Элементарно. Следят. Просматривают сообщения. Поэтому они задерживаются где-то, пока их просекут на внешнем сервере, а потом идут дальше.

— Чепуха какая-то. Кому может понадобиться замухрышная НПО, пекущаяся о здоровом поколении?

— Не такое уж замухрышное.

— Ну, положим, согласна. Не замухрышная. Но все равно — зачем? Какой интерес?

— Со временем узнаем. В любом случае — мое дело крайнее.

Ольга взглянула на часы. Семь. Можно идти. Доберется до дома около восьми, мать как раз уже будет на работе в своем любимом ресторане.

— Ладно, Холмс, пошли. Как бы нас с тобой тоже на крючок не посадили за слишком большое рвение к работе.

— Меня-то в этом не заподозришь, а вот некоторых...

— А я что? Пиарщица, одно слово! Чепуховина, а не должность. Поехали.

Дома горел свет во всех окнах. Это было удивительно. Отец обычно был занят по вечерам своим учебником по биологии, над которым он трудился уже второй год, и закрывался у себя в кабинете, а свет в других комнатах выключал — советская привычка экономии, никак не искореняемая, даже когда плата за свет перестала играть хоть сколько-нибудь значительную роль в их семейном бюджете.

Ольга открыла дверь своим ключом. Было тихо. Ольга заглянула в кабинет отца — его рабочего кейса не было на обычном месте. Странно, где он мог так задержаться? Дверь родительской спальни была чуть приоткрыта. Ольга осторожно заглянула. На полу перед тумбой с выдвигаемыми полками сидела мама, в костюме, с уложенными волосами, готовая идти на работу. Почти готовая. Почти, потому что с матерью происходило что-то странное. Она что-то прижимала к груди и раскачивалась, как зомби, уставившись опухшими глазами в пустоту.

Ольга шаркнула за дверью. Мать, явно сильно испугав-

шись, вздрогнула и быстрым движением сунула какую-то бумажку в выдвижной ящик.

— Мама?

Ольга открыла дверь и остановилась.

— Оля, ты? Почему тыходишь без стука? Неужели трудно постучать? Выйди!

Голос ее звучал неожиданно резко и даже грубо. Ольга опешила, побледнела. Развернулась, едва сдерживаясь. Мать спохватилась:

— Прости. Просто напугала. Я думала, Гоша. Он что-то задержался.

Она встала, поправила юбку и прическу.

— Ну, не дуйся. Что так поздно? — делано-бодрым голосом спросила она.

Оля повернулась и внимательно посмотрела на нее, выдержала паузу, наблюдая за изменениями в ее лице. Тревога так и не исчезла, хоть мама и старалась улыбнуться.

— Зашла с Димкой в кафе, надо было кое-что обсудить. А ты что? Не идешь на работу?

Глупый вопрос, потому что мать явно была готова к выходу.

— Иду. Но тоже задержалась. Готовила кое-какие сметы.

— Дома?

— Да, хотела в тишине все проверить.

— Мама, ты что, плакала?

— Я? Да нет, просто искала кое-что и от пыли расчихалась. Ну, мне пора. Убегаю!

Она поцеловала дочь и выпорхнула за дверь. Моложавая, подтянутая, ухоженная женщина, она всегда вызывала

восхищение окружающих. При этом деловая и успешная дама, кормилица семьи, хотя и всеми силами возвышающая роль мужа. Георгий Панов, заведующий кафедрой биофака в университете, когда-то служил как материальной, так статусной опорой семьи. Со временем материальная сторона стала существенно проигрывать, уступая место лидирующим позициям супруги. Она вырвалась из безнадёги потерявшего работу рядового экономиста Института международных исследований в менеджеры одного из известных в городе ресторанов. Но при этом позиция авторитета неизменно оставалась за отцом, причем во многом благодаря именно усилиям жены.

Ольга проводила мать, запихнула в рот кусок запеченной рыбы, встретила отца, поболтала с ним о разной ерунде и уселась перед телевизором, не замечая, о чем вещают с экрана, погрузившись в собственные мысли. Зачем мама задержалась? Почему она плакала? Пыль — дурацкий предлог. Она плакала. И плакала по какой-то конкретной причине. Она всегда очень ответственно относилась к времени, старалась никогда не опаздывать на работу и уж тем более никогда не брала никаких отчетов и смет на дом. Обычно мама уходила в ресторан в обеденное время, потом приходила домой и к вечеру, когда наступал час пик для ужинов и вечерней программы, убегала вновь и уже оставалась там допоздна. Сегодня она явно ушла позже обычного. В чем же дело? После десяти вечера Ольга вновь заглянула к отцу. Тот задремал в кресле, склонив седую голову над книгой. Очки едва держались на носу, указательный палец лежал между страницами книги, в другой руке был зажат карандаш. Отец любил делать пометки по ходу чтения. Ольга улыбнулась: папа казался каким-то по-детски трогательным и добрым. У женщин этой семьи было предостаточно

смекалистости и ума, но вот отцовской доброты и милой наивности недоставало.

Ольга тихо прикрыла дверь и направилась в родительскую спальню. Мамины слезы были вызваны причиной, которая находилась в этой тумбе. И она непременно должна узнать, в чем дело. Мать испугалась ее прихода, потому что думала, что это отец. Ее резкость и грубость были вызваны именно страхом. Значит, скрыть она хотела что-то именно от него. Думай, Оля, думай, что может женщина скрывать от мужа и рыдать над этим? Разве что любовника. Любовник? У матери? Не похоже. Но что тогда? Долги? Да нет, мама не из тех, кто из-за этого будет плакать. Она вообще редко плачет. И уж точно не из-за денег. Тогда что? Неужели все же любовник? Может, эта девица, что звонит сюда, тоже с этим как-то связана? Может, она посредник? Чтобы не вызывать подозрений, звонит и передает маме информацию? Воображение и так накрученной Ольги разыгралось, и вот она уже с негодованием перебирала старые семейные фотографии в тумбе, недоумевая, как же мама могла так жестоко обманывать отца, добрейшего человека на земле. Наверняка там есть письмо или еще какая улика. И что же мать потом скажет? Как оправдается?

Ольга выдвинула все ящики. Семейные фотографии вперемешку лежали в ящиках, дожидаясь, когда их кто-нибудь рассортирует. Но ни у кого не доходили руки. Ольга перебирала их и раньше и знала почти наизусть. И на этот раз все оказалось знакомым, ничего нового. Она и сама не знала, что искала. Письмо? Записку? Фотографию? Бесцельно перебирала все подряд, вытряхивала старые тетрадки, книги, конверты. Ничего не нашла. Стала складывать все обратно, внезапно устыдившись своей подозрительности. Что она, собственно, искала? Один из конвертов задер-

жал ее внимание. Она его уже просматривала, но вернулась вновь — фотография смуглой улыбающейся девочки лет семи–восьми ее несколько удивила. Ребенок одной из старых знакомых по учебе, скорее всего. Мама заканчивала Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, у нее было множество знакомых самых разных цветов. Девочка была чернокожей, с кудрявой черной копной волос, собранных в пучок, слегка расширенной переносицей и карими глазами. Чуть полноватые губы на худеньком лице придавали лицу капризное выражение. Типичное африканское лицо. И все же... Это казалось бредом, но все же она была чем-то похожа на нее, Ольгу, в детстве. Несмотря на все различия, Ольга не сомневалась, что сходство налицо. Особенно с мамой. У нее, Ольги, было много отцовских черт, а вот у девушки на фотографии на первый план выступали мамины.

Ольга прикрыла глаза руками, пытаясь успокоиться. Наверное, это ее болезненное воображение. Еще эта Димкина шутка насчет второго «Я» и двойной жизни. Станным было еще то, что конверт, пустой, ненадписанный, лежал поверх всей кучи бумаг в ящичке. Значит, именно его мать положила туда, когда вошла Ольга. На обратной стороне фотографии тоже не было надписи.

Ольга взяла снимок двумя пальцами, словно он был прокаженный, и положила на стол перед собой. Не обращая никакого внимания на половину двенадцатого ночи, она позвонила Димке.

— Я что-то нашла, — прошептала она.

— Что? Кто? Что случилось?

Димка, паразит, уже спал. Она тут вся извелась, а он спит! Ее этот факт так возмутил, словно все на свете должны были переживать вместе с ней.

— Я нашла фотографию. Я думаю, это она звонила.
— Да кто она, Оль? Какой ты травки накурилась?
— Да брось ты, прекрасно знаешь, что не курю. Я нашла фотографию девушки, которая звонила.

— Откуда ты знаешь, что это она? Там что — написано?
— Нет. Но она похожа. На мать очень похожа. И мне кажется, что и голос той девушки тоже был похож на мамин, интонациями. Теперь понимаешь?

— Нет.

— Значит, ты тупой, Димыч, — выдохнула Ольга.

Он не обиделся. Он привык к ее резковатым комментариям и не обращал на них внимания.

— Может, и тупой. И точно спать хочу. Чего и тебе желаю.

— Ты же сам говорил, — продолжала она заговорщически шептать.

— Что?

— Ну, про двойную жизнь, про второе «Я».

— Панова, я не знаю, какие тараканы у тебя в голове, но тебе надо лечиться. И выспаться. У тебя крыша совсем поехала. Ты притягиваешь за уши обстоятельства и пытаешься сделать сумасшедшие выводы. Вот ведь делать больше нечего. Так скоро обнаружишь, что ты — инопланетянка.

— Ладно, Димка. Иди храпеть.

— А ты?

— И я. Если...

Она замолчала, прислушалась к звуку поворачиваемого ключа в двери.

— Кажется, мама пришла. Ну пока, до завтра!

Она бросила трубку и схватила фотографию со стола. Мама вошла в спальню и удивленно застыла на месте. В такой час Ольга обычно спала, а не сидела в ее спальне, у тумбочки, зажимая что-то в руке за спиной.

- Ты что это?
- Привет. Мама.
- Привет. Случилось что?
- У меня — нет. А у тебя?
- И у меня — нет.

Мать говорила медленно, оглядывая обстановку вокруг. Цепкий глаз заметил чуть выдвинутый ящик трюмо. Вздуродраженный вид Оли. Горящий взгляд.

- Ты что-то потеряла?
- Не знаю. Ты мне скажи.

— Оля, я устала, уже поздно, и я не понимаю, чего ты от меня хочешь.

Мать выглядела раздраженной и слегка захмелевшей, даже щеки раздурмянились. Обычно она не пила на работе.

- Кто тебе звонил сегодня утром?
- А мне откуда знать? Спросила бы, если так интересно.
- Она не сказала. И она звонила не первый раз.
- А это ты с чего взяла?

Мать выглядела напуганной. Самообладание не спасало ее. И чем тревожнее становились глаза матери, тем больше распялялась Ольга и начинала верить в свои самые невероятные домыслы.

- Я уверена. Она звонила много раз. И у нее, *мама*, у нее — твой голос!
- Да что за чушь ты несешь!
- А что ты кричишь? Чего ты боишься?

Они стояли друг против друга, мать и дочь, одинакового роста, с одинаковым ореховым цветом волос и удивительно похожим упрямым выражением лица. Обе накалены до предела. Казалось, вот-вот — и одна из них сорвется.

- Оля, успокойся! С чего ты так завелась?
- Кто это?

Ольга вытянула вперед руку с фотографией. И тут у матери сдали нервы. В совершенно нехарактерной для нее манере она резко опустилась на пол, побледнела и стала плакать. Это было настолько неожиданно и необычно для матери, что Ольга испугалась.

— Мама, мам!

Она присела рядом с ней на корточки и положила руку на плечо.

— Ну что ты? Ну, мам!

— Что случилось?

Обе женщины вздрогнули и подняли головы. В дверях спальни стоял заспанный отец и тревожно, щурясь от света, всматривался в своих девочек, как он их называл. Оля сглотнула слезы и покосилась на мать. Та закрыла заплаканное лицо руками.

— Марина?

Она махнула рукой, не поднимая головы. Иди, мол. Не вмешивайся.

Благодушный отец привык не вмешиваться в девчоночьи дела, но обычно рыдала дочь, а мать успокаивала, а тут было, похоже, наоборот.

— Ты не заболела?

Мать подняла опухшее лицо.

— Да нет, Гош, климакс проклятый, нервы ни к черту. Ты же знаешь. Ты иди, иди. Я сейчас успокоюсь.

— Выпей что-нибудь.

— Обязательно. Как раз собиралась. Оля, принеси мне пустырик, он на кухне.

Оля вышла, прикрыв за собой дверь. Она ощущала себя напуганной. Было совершенно очевидно, что она прикоснулась к какой-то страшной тайне, к чему-то, что молниеносно выбило маму из колеи. Ей жутко хотелось знать всю

правду, но в то же время она чувствовала, что правда такая, что легче ей от нее не станет.

Через несколько минут вслед за ней на кухню вышла мама.

— Поговорим завтра. Я все тебе объясню.

— Ты не хочешь говорить при отце? — тихо спросила Ольга.

Мать кивнула. Бросила умоляющий взгляд и вернулась в спальню.

Ольга еще долго сидела на кухне, опустив голову на руки. Выпила пустырник, приготовленный для мамы. Потом пошла к себе в комнату и свалилась в кровать, не раздеваясь и даже не смыв косметику.

Когда она проснулась, солнце так ярко било в окна, что было ясно — она чудовищно проспала. Чертыхнувшись, она бросилась искать мобильник.

— Алло, Свет? Привет, это Панова. Я приболела что-то, предупреди администрацию, о'кей? У меня там одна встреча на сегодня, Димка знает подробности, позвони им и перенеси на завтра на то же время, ладно? Спасибо, Свет. До завтра.

Ну вот, с работой улажено. Это было самым легким шагом в сегодняшней программе. Она глянула в зеркало — оттуда на нее смотрело заспанное растерянное лицо с черными разводами туши под глазами и растрепанными волосами. Ольга приняла душ и немного взбодрилась. Не успела она выйти из душа, как позвонил Димыч, встревоженный ее внезапной болезнью. Ольга не стала ничего объяснять, да и объяснять было пока нечего.

Мама ждала ее на кухне. Отец ушел на работу, и мать сидела с кружкой остывшего кофе и неотрывно смотрела в окно. Перед ней на столе лежала та самая фотография.

— Привет, мам.

— Привет.

Ольга, не произнеся больше ни слова, насыпала кофе в планшер на двоих и залила кипятком. Выждав пару минут, нажала на пресс и разлила кофе в две чашки. Одну поставила перед матерью. Та следила за каждым ее движением, спокойно, не выказывая ни малейших признаков желания начать разговор первой. Оля отхлебнула горячего кофе и уставилась на фотографию.

— Что происходит, мам? Я не понимаю.

— А почему у тебя такой холодный тон, Оль? Я, кстати, от тебя жду объяснения, что ты так завелась?

— Еще вчера ты таких вопросов не задавала.

— Как раз задавала. Просто ты слушаешь только себя. Никогда не думала, что моя дочь будет разговаривать со мной в таком тоне.

Ольга открыла упаковку вишневого йогурта и медленно стала зачерпывать маленькой ложкой густую розовую массу. Мамин излюбленный прием. Нападать и давить на совесть, чтобы на корню пресечь все попытки опасного спора. Она избегала конфликтов. Они с мамой в общем-то жили дружно. Были стычки по мелочам, но до скандалов никогда не доходило. Мать уважала личную территорию Ольги, поддерживала ее попытки самостоятельных решений, не сильно вникала в ее личную жизнь, да и не особо вмешивалась, когда оказывалась посвященной. Вполне дружеские отношения. Ольге иногда смутно казалось, что в них недостает тепла и искренности, но, с другой стороны, рассуждала она, в других семьях постоянные скандалы и нервытрепки, а у нее — спокойная жизнь. Видимо, у всего есть своя цена. Она не сомневалась, что мать любит ее, просто... Иногда

хотелось, чтобы нейтральности в их отношениях было чуть меньше.

— Ладно, мам. Вчера ты сказала, что поговорим сегодня. Вот оно — сегодня.

— Да, вчера я пообещала поговорить. Но я все еще сомневаюсь — достаточно ли ты взрослая и созрела для того, чтобы выслушать и понять то, что я собиралась рассказать.

Ольга выронила ложку.

— Я? Мне двадцать восемь лет, мама! О чем ты говоришь?

— Ну, Оль, паспортные данные еще ничего не значат. Ты сейчас успокойся и пообещай меня выслушать. Не перебивай. Дай мне все спокойно рассказать. Мне и самой нелегко. Надо было мне это сделать раньше и не доводить до такого абсурда. Но что же делать, никак не могла собраться с духом.

Ольга пожала плечами, но заставила себя сесть и выслушать. И у нее хватило терпения. Вернее, у нее просто не было слов, чтобы перебивать.

— Ты права, девочка с фотографии и та, что звонила мне, — одна и та же девушка. Не знаю, как ты не догадалась, это непостижимо просто. Наверное, в такие моменты интуиция работает мощнее логики.

Ольга только приподняла брови.

— Так кто она?

— Она чуть старше тебя, на четыре года. И она моя дочь. У меня был роман в университете, бурный и краткосрочный. Папаша девочки укатил к себе в Африку еще до того, как родилась Рита. А я элементарно струсила. Струсила, что родители не поймут, струсила, что с темнокожей девочкой на руках никогда не выйду замуж, струсила, что обвинят в связи с иностранцем и во всех смертных грехах, то-

гда это было бы серьезным препятствием к карьере. При отцовской работе у меня не было никакого шанса найти поддержку в семье. Я рисковала остаться одна, без поддержки родителей, с ребенком на руках, без диплома, без будущего. Аборт делать было поздно, и я, всеми неправдами скрывая от окружающих свою беременность, перетягивала живот, пока скрывать стало уже невозможно. Но к тому времени наступили летние каникулы, и я спокойно родила. Тем немногим знакомым, кто знал о моей беременности, я сказала, что ребенок родился мертвым. Я отдала Риту. В Дом ребенка. Не думай, я не забыла о ней. Постоянно навещала. Говорила, что я ее дальняя родственница. Давала денег воспитателям. Потом договорилась с одной из них, что та возьмет ее к себе. Формально Рита оставалась в детском доме, но по вечерам уходила домой с той воспитательницей. А я постоянно передавала им деньги, что могла себе позволить. А потом я вышла замуж. За твоего отца. И стала появляться там очень редко. Родилась ты. Я не могла позволить, чтобы Гоша узнал о Рите. Он бы не понял меня. Я не хотела его терять, я люблю твоего отца, ты прекрасно это знаешь. Потом мы уехали из Москвы из-за работы Гоши, и я лишь изредка ездила туда и навещала ее. Когда Рите исполнилось десять лет, ее опекунша решила переехать в другой город и взяла ее с собой. Уж не знаю, как она там оформила документы, но они на какое-то время совершенно исчезли с горизонта. Я пыталась их найти. Но не смогла. А года два назад Рита мне позвонила. Сказала, что живет где-то далеко, за пределами России, но где — не захотела говорить. Сказала, что ее мать перед смертью дала мой номер телефона, уж как узнала — ума не приложу. Сказала, что благодарна мне за все и что...

Тут голос Марины Владимировны сорвался. Впервые за весь рассказ. Она встала и выпила холодной воды.

— Сказала, что ее мать рассказала, как много я для них сделала, и что она не забудет этого. Так и поговорили. С тех пор она иногда звонит мне. Не знаю, почему. Может, тоска на чужбине заела. Может, зов крови. Не знаю. А на меня ее звонки как удар колокола действуют. Я же знаю, что вина перед ней, но изменить я ничего не могу. Моя сегодняшняя жизнь, ты, твой отец — все это слишком дорого для меня, чтобы рисковать. Прошлого уже не вернуть, не исправишь, надо смотреть вперед. Ты меня понимаешь?

Ольга молчала. Раскачивалась на стуле как загипнотизированная. Потом встрепенулась, поняв, что мать ждет ее ответа.

— Теперь ты ей все расскажешь? Теперь, когда я знаю, ты ей признаешься?

— Зачем? Травмировать ее лишний раз? Травмировать отца, он-то тут при чем? Это мои грехи, зачем портить ему жизнь? Чтобы он понял, что его всю жизнь обманывали? Разве тебе не жалко отца? А Рита... Что это изменит? Она может начать ненавидеть меня. Так она считает, что есть в жизни человек, который когда-то помогал ей по доброй воле. А если узнает правду, поймет, что все гораздо хуже. Зачем?

— То есть...

Ольга говорила, словно читала по слогам.

— То есть ты не станешь ничего говорить.

— Нет. Ты думаешь, есть смысл?

— При чем тут то, что я думаю?

— А зачем тогда я тебе все это рассказываю? Мне важно твое мнение.